

УДК 821.161.1-94
ББК Ш33(2Рос=Рус)4-008.3

М.А. Голендухина

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

БИБЛЕЙСКИЕ, СВЯТООТЕЧЕСКИЕ И БЫТОВЫЕ РОЛИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА В ЕГО ЖИТИИ

Аннотация. Во второй половине XVII века в русской литературе усиливается игровое начало. Это находит отражение в сочинениях протопопа Аввакума (1621/2-1682), в частности, в его знаменитом «Житии». Аввакум использует ролевой подход и изображает своего героя (себя) в системе ролей, каждая из которых оказывает значительное влияние на восприятие читателями Аввакума-героя. В данной статье рассматриваются наиболее концептуальные для авторского сознания ролевые воплощения Аввакума-героя, а также причины, побудившие автора использовать ролевой метод в создании произведения.

Ключевые слова: протопопы, житие, ролевой подход, драматизация, барокко.

Произведения русской литературы XVII века, оставаясь еще во многом близкими традициям средневекового сознания, между тем позволяют сделать вывод о том, что самосознание писателя этого периода стоит уже на уровне нового времени и свидетельствует об осмыслении литературой ценности человеческой личности. Отразилось это и на творчестве протопопа Аввакума – активного противника церковных реформ патриарха Никона, идеолога старообрядчества, автора многих полемических сочинений и первой развернутой автобиографии – знаменитого «Жития».

Аввакум раскрывает свою концепцию мира на грани его гибели от предавших «правильную веру» никониан и спасения от хранящих традицию староверов. Избирая себя героем современной ему истории, Аввакум стремится воплотить

всеобъемлющую сущность своего персонажа и потому использует в поэтике памятника ролевой подход, когда, помещая героя в различные эпизоды биографии, Аввакум-автор «Жития» изображает Аввакума-героя в системе ролевых воплощений¹.

Убедительные доводы к спасению «древлего благочестия» Аввакум находил в событиях собственной биографии, наряду с традиционным обращением к патристике и Священному писанию. Именно поэтому среди множества ролей, «кrazyгранных» автором, на наш взгляд, наиболее ярко проявлены святоотеческие – обусловленные профессиональным статусом и религиозными установками Аввакума; бытовые – демонстрирующие поведение героя в системе ежедневных отношений с людьми различного круга; и библейские – символические, позволяющие проникнуть в авторскую психологию путем сопоставления поведения героя Жития с подвигом героев Священного Писания. При этом важно, что три условно выделенных нами типа ролевых воплощений часто переплетаются и тесно взаимодействуют в пределах одного создаваемого Аввакумом ролевого образа. В данной статье мы попытаемся представить наиболее концептуальные для авторского сознания роли, а также ответить на вопрос, что побудило автора использовать в своем произведении элемент ролевой поэтики, для избранного им жанра жития вовсе не характерный.

Основная цель земного пути протопопа Аввакума как служителя церкви и как глубоко верующего человека – проповеднический подвиг, борьба с церковными реформами, сохранение старых обычаев, которым следовали почитаемые верующими «отцы церкви». О праведничестве героя свидетельствуют как его внутренние монологи («Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поють!» (44)²), так и речь других

¹ Под ролевым образом (ролью) мы понимаем модель поведения героя, реализуемую в конкретной ситуации для выполнения какой-либо функции.

² Здесь и далее по тексту цитаты из *Жития* приводятся по изданию:

персонажей, получивших божественный знак. «Правда» открывается одержимой бесами Анне, через сон. Во сне ей являются ангелы, ведущие девушку мимо богатой палаты, которая принадлежит ее духовному отцу Аввакуму. Небесные посланники призывают Анну делать так, как велит Аввакум.

Ролевой образ *праведника* создается также при помощи описания Аввакумом чудес, происходящих по его молитве. Переходя через замерзшее озеро, Аввакум, «гараздо от жажды томим», молит Господа о том, чтобы Он послал ему воды. «Затрѣщал лед, яко громъ, предо мною и разступилъся сюду и сюду. [...] А мнѣ оставил Бог пролубку» (44). Протопоп ставит себя в один ряд с праведниками, по своей великой вере получающих божественную помощь. Возможность такой «коммуникации» с Высшими силами позволяет судить об избранничестве героя для совершения своей миссии.

Как идеолог староверия Аввакум берет на себя роль теолога и *вероучителя*. На протяжении всего текста роль вероучителя проявлена в небольших наставлениях Аввакума, завершающих какой-либо эпизод из его жизни. Так, после излечения заболевшего «начальника» и его просьбы о прощении за несправедливое обращение, Аввакум произносит в назидание для читателя библейскую цитату: «Так-то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать» (Иак. 4, 6) (21).

Одним из центральных символических ролевых образов Аввакума является роль *пророка*. Протопопу открыта божественная истина «чистоты веры» и он способен обличить предавших православие никониан. Аввакум включает в «Житие» эпизоды, в которых он как посредник между Богом и людьми предрекает исход земных событий. Так, разозлившись на Пашкова, призвавшего для гадания шамана, Аввакум предрекает его сыну Еремею неудачу в походе против «Мунгальского царства».

Важные для средневекового сознания законы подобия подталкивают протопопа к прямому сопоставлению своего жизненного пути с подвигом ветхозаветного пророка Аввакума,

Пустозерский сборник (1975), с указанием страниц в скобках.

в Книге которого предсказаны приход Мессии и пленение Иерусалима халдеями – свирепым и необузданным народом [1 Ав. 1:5-11.]. Пророк оплакивает участь неправедных народов и получает ответ от Господа: все насилие врагов будет уничтожено, спасены же будут верные Богу [2 Ав. 2:4.].

Автор «Жития» проецирует на себя образ одноименного героя Ветхого завета и проводит аналогию между современными и библейскими событиями. Разрушение Иерусалима трактуется автором как наказание никониан за отступление от «древлего благочестия», пророком же является сам протопоп. Автор рассчитывал на знание читателем подвигов одноименного персонажа Ветхого Завета, что, несомненно, расширяло представление о личности самого Аввакума.

В ролевом поведении Аввакума обнаруживаются черты *апостольского* служения. Равно как и апостолы, распространявшие христианское учение среди язычников, протопоп «И взад и вперед едучи, [...] слово Божие проповедал и, не обинуясь, обличал никониянскую ересь, свидетельствуя истинну и правую веру о Христе Иусе» (51). Аввакум реализует модель апостольского поведения, отстаивая «чистоту веры»: «До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь была немятежна» (52-53).

Наказания, которым подвергается автор, переводятся писателем в ранг мучений за веру. Пребывая в условиях ссылки, Аввакум находится под надзором различных «начальников», зачастую не только несправедливо упрекающих «мученика», но и усугубляющих и без того тяжелое положение протопопа и его семьи.

Аввакум вспоминает, что во время одного из наказаний от Пашкова ему «на ум взбрело» укорять Господа этими незаслуженными страданиями: «За что Ты, Сыне божий, попустил таково больно убить-тово меня? Я веть за вдовы Твои сталь! Кто дасть судию между мною и Тобою? [...] нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ!» (30). Аввакум выражает глубокое недоумение, ведь, совершая тяжкие грехи, он не получал от Господа таких страданий, которые испытывает сейчас, являя,

напротив, пример богоугодного поведения. Сам Аввакум не претендует на первенство мысли – его восклицание транслируется в измененном виде из библейского текста [Иов. 31:16-20]. Аввакум сравнивает себя с возроптавшим на Бога Иовом, но проводит четкую различительную грань между непорочным святым и греховным Аввакумом, ослепшим духовно: «А я таковая же дерзнухъ от коего разума? [...] самъ ослѣп извнутри» (30).

Одна из ярких «бытовых» ролей Аввакума – роль *главы семьи*. Оставляя семью в Юрьевце, он восклицает: «А жена и дѣти, и домочадцы [...] въ Юрьевце остались, невѣдомо – живы, невѣдомо – прибиты. Тут паки горе!» (22).

Эмоциональное высказывание Аввакума позволяет видеть в нем любящего мужа и отца, переживающего при разлуке с семьей огромное горе, ведь домочадцы остаются без защиты. Тем не менее, Аввакум оставляет семью, если того требуют обстоятельства. Ставя общественные ценности выше семейных, Аввакум даже частную сферу жизни подчиняет своим религиозно-политическим убеждениям.

Неотступно следует Аввакум также законам государственным и выступает не только как раб Божий, но и как *слуга государев*. В мировоззренческой системе автора «Жития» царь словно вынужден наказывать Аввакума за противодействие официальной церкви по требованию окружающей свиты, но не испытывает личной неприязни к протопопу. В отношениях с царем Аввакум изображает себя в роли духовного наставника. Его долг: вразумить государя, уберечь от «лживых» советников, вернуть его к старой вере и тем самым спасти все царство: «бодръствуй, государь, а не дремли, понеж супостатъ дьяволъ хошет царство твое проглотить» (45).

Итак, тесно переплетаясь, ролевые воплощения христианской иеротопии и реально-биографического генезиса способствуют раскрытию сущности героя. Возникает вопрос: что побудило автора использовать в поэтике памятника ролевой подход, характерный для драматических произведений?

В первую очередь, сама личность Аввакума, уникальность его биографии выдают в нем стремление к «игре», то есть

способности создавать собственный мир, противопоставленный миру реальному, со своими правилами [Хейзинга 2001: 27]. Старообрядцам, в результате раскола Русской православной церкви в 1650-60-х годах оказавшимся вытесненными за пределы «правильного» мира, пришлось от него отделиться, мигрировав на Урал и в Сибирь, отвергнув нововведения никонианской церкви. Аввакум как вдохновитель староверов активно противодействовал официальным структурам, позволяя себе при этом различные чудачества, доходящие до юродства, что позволяет судить об игровом поведении «огнепального протопопа».

Авторская концепция Аввакума в использовании ролевого подхода в «Житии», на наш взгляд, была вызвана также влиянием эстетики зарождающегося в то время нового направления в искусстве – барокко, для которого характерны театральность и игровое начало [Рогов 1979: 3-12], которые зачастую выражены в произведении имплицитно, на уровне поэтики текста.

Эпоха барокко изменяет тип художественного сознания человека, стремящегося выйти за границы средневекового поведения. Это требует привлечения внимания к собственной персоне, а потому зрелищности, поэтому в сферу человеческого существования проникает «театральность». В повседневной жизни она выражается в открытой публичности действий, приводящей к возможной экстравагантности в выражении эмоций; в литературе – в драматизации повествования, характерной и для произведений Аввакума, в частности, для «Жития» [Демкова 1988: 302–316].

Принадлежность «Жития» к поэтике барокко неоднократно обсуждалось многими исследователями. К барочным чертам этого памятника медиевисты относят использование Аввакумом риторических средств, аллегоризацию жизненных отношений, использование будничных и натуралистических подробностей в сочетании с фантастикой [Морозов 1967: 121], полистилистичность, символы, экспрессивность [Ранчин 1999: 188–193] и т.д.

Мы же особо отметим принцип контраста, являющийся одним из основных принципов эстетики барокко и проявленный в «Житии» в структурной организации системы ролевых образов, основанной на принципе противопоставления. Противопоставлены друг другу, в первую очередь, староверы и никониане как верные и предавшие, правые и неправые, истинно верующие и еретики: «потеряли новолюбцы существо божие испадениемъ от истиннаго Господа Святаго и Животворящаго Духа» (12). Главный идеологический противник Аввакума – патриарх Никон – нарекается писателем «отступником» и «еретиком».

Метафорическое противопоставление между «слепым» и «зрячим» фигурирует в «Житии» в эпизодах «прозрения» людей, не веривших Аввакуму, но увидевших чудо, сопровождавшее протопопа. Келарю Никодиму является святой в образе Аввакума, после чего тот просит у заточенного протопопа прощения за грубое с ним обращение. Сын Пашкова Еремей, потерпевший поражение от половцев (предсказанное Аввакумом) просит отца о помиловании протопопа, зря им обижаемого. Слепцом оказывается и государь, поддерживающий церковную реформу; по той причине, что «Никон опутал» его, хотя сам царь, по мнению Аввакума, находится на стороне староверов.

Также противопоставление заложено изначально и в ролях самого Аввакума. Хотя Аввакум и характеризует себя как грешного человека, недостойного делать какие-либо выводы об обществе, роль праведника убеждает читателя в обратном. Противоречат друг другу с одной стороны, радость Аввакума за возможность принятия мук за верность православной вере (роль мученика) и, с другой, самосострадание и жалость к себе (ролевой образ горемыки). На Соборе Аввакум открыто противостоит патриархам, принявшим реформу Никона: «Побранил ихъ колко могъ и послѣднее рек слово: “Чисть есмь аз и прахъ прилѣпшии от ногъ своих отрясаю пред вами [...]”» (53). А когда сбежавший из заточения Феодор спросил протопопа, что ему делать дальше: «В рубашке ль-де ходить али платье вздѣть?» (50) – то есть открыто демонстрировать

верность старым обычаям или притвориться одним из сторонников Никона), Аввакум велит ему облечься «в платье» и таиться от властей.

Таким образом, реальные события биографии Аввакума, христианский контекст и, конечно, поэтика барокко органично переплелись в сознании автора, позволив писателю представить себя в современном ему хронотопе сильной и неординарной личностью, способной этому хронотопу противостоять.

Литература

Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1988. Т. 41. С. 302–316.

Морозов А. А. Национальное своеобразие и проблема стилей // Русская литература. 1967. № 3. С. 102–123.

Пустозерский сборник : Автографы сочинений Аввакума и Епифания / под ред. В. И. Малышева, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л. : Наука, 1975.

Ранчин А. М. Проблемы барокко и сочинения Аввакума // Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 188–193.

Рогов А. И. Проблемы славянского барокко // Славянское барокко : историко-культурные проблемы эпохи. М. : Наука, 1979. С. 3–12.

Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. В. В. Ошиса. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.

УДК 821.161.1-311.2(Толстой Л. Н.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444

И.С. Панарина

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА АННЫ КАРЕНИНОЙ: ОТ «ОТВРАТИТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ» ДО «УСЫНОВЛЕННОЙ» ГЕРОИНИ

Аннотация. В данной статье рассматривается рождение и эволюция образа Анны Карениной – главной героини одноименного «романа из современной жизни» Л.Н. Толстого (1873-1877). На основе